

Котов А. А. Краткие и усеченные формы адъектива в русских духовных стихах Карелии : грамматический аспект / А. А. Котов, Е. А. Мухина // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 123—142. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-123-142.

Kotov, A. A., Mukhina, E. A. (2021). Short and Clipped Forms of Adjective in Russian Spiritual Poetry of Karelia: Grammatical Aspect. *Nauchnyi dialog, 11*: 123-142. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-123-142. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-123-142

Краткие и усеченные формы адъектива в русских духовных стихах Карелии: грамматический аспект

Котов Андрей Александрович

orcid.org/0000-0002-1251-9083

кандидат филологических наук

доцент

andrewcot1972@yandex.ru

Мухина Елена Александровна

orcid.org/0000-0002-5922-8558

кандидат филологических наук, доцент

kareliaptz@mail.ru

Петрозаводский
государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Short and Clipped Forms of Adjective in Russian Spiritual Poetry of Karelia: Grammatical Aspect

Andrey A. Kotov

orcid.org/0000-0002-1251-9083

PhD in Philology

Associate Professor

andrewcot1972@yandex.ru

Elena A. Mukhina

orcid.org/0000-0002-5922-8558

PhD in Philology

Associate Professor

kareliaptz@mail.ru

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

© Котов А. А., Мухина Е. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о функционировании кратких и усеченных форм адъектива в русских духовных стихах. Актуальность исследования обусловлена малоизученностью духовных стихов с точки зрения языка и возможностью рассмотреть взаимодействие устной и письменной традиций, светской и христианской культуры, которые тесно переплетены в фольклорном жанре духовных стихов. Новизна исследования видится как в попытке решения одного из «вечных вопросов» русской лингвистической традиции, касающегося соотношения форм прилагательных, так и в привлекаемом для изучения материале: рассмотрены тексты из Научного архива Карельского научного центра РАН и Фонограммархива Института ЯЛИ Карельского научного центра РАН, собранные в XX веке на территории нынешней Карелии и включенные в сборник «Духовные стихи Русского Севера», которые ранее не были объектом исследования с точки зрения употребления рассматриваемых языковых единиц. Показано, что анализ функционирующих в духовных стихах кратких и усеченных форм адъектива способствует выявлению языковой специфики произведений данного фольклорного жанра. Делается вывод о двойственном характере духовных стихов, который обуславливает преобладание усеченных атрибутивных форм адъектива над собственно краткими формами.

Ключевые слова:

лингвофольклористика; русские духовные стихи; краткие и усеченные формы адъектива; Русский Север.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the functioning of short and clipped forms of the adjective in Russian spiritual poetry is considered. The relevance of the study is due to the lack of study of spiritual poetry from the point of view of language and the opportunity to consider the interaction of oral and written traditions, secular and Christian culture, which are closely intertwined in the folklore genre of spiritual poetry. The novelty of the research is seen both in an attempt to solve one of the “eternal questions” of the Russian linguistic tradition, concerning the ratio of adjective forms, and in the material used for study: the texts from the Scientific Archive of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences and the Phonogram Archive of the YALI Institute of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, collected in XX century on the territory of present-day Karelia and included in the collection “Spiritual Poems of the Russian North”, which had not previously been the object of research in terms of the use of the linguistic units under consideration. It is shown that the analysis of short and clipped forms of adjective functioning in spiritual verses contributes to the identification of the linguistic specificity of the works of this folklore genre. The conclusion is made about the dual nature of spiritual verses, which determines the predominance of clipped attributive forms of the adjective over the actual short forms.

Key words:

linguistic and folklore studies; Russian spiritual poetry; short and clipped forms of the adjective; Russian North.

УДК 811.161.1'367.623+398.88(470.22)

Краткие и усеченные формы адъектива в русских духовных стихах Карелии: грамматический аспект

© Котов А. А., Мухина Е. А., 2021

1. Вводные замечания

Духовный стих является особым жанром русского фольклора — устной поэзии. Несмотря на то, что русской филологией внимание к нему было обращено уже во второй половине XIX века, языковая специфика духовного стиха, как свидетельствует проведенный нами анализ специальных работ, исследована явно недостаточно, в том числе с точки зрения выявления связей между жанровой природой и особенностями языкового оформления текста. Цель данной статьи — представить результаты анализа сборника «Духовные стихи Русского Севера», включающего 360 духовных стихов, записанных на территории Карелии и сопредельных областей (нами рассмотрены 296 текстов, которые зафиксированы на территории Карелии), который был проведен в грамматическом аспекте и посвящен вопросу употребления кратких и усеченных форм прилагательных.

2. Изучение духовных стихов

Развитие фольклористики как науки шло вместе с формированием научного подхода к анализу духовных стихов. Будучи объектом рецепции, фольклор прошел путь от «остатков невежественной старины», «народного бескультурья» [Азадовский, 1958, с. 123] до народного творчества, характеризующегося высоким эстетическим и этическим значением.

У истоков начавшегося в 50—60 годы XIX века филологического изучения духовных стихов стояли представители *мифологической школы*, рассматривавшие как общие вопросы произведений жанра (время возникновения, происхождение, исполнители духовных стихов, среда, создавшая их и т. д.), так и более частные (источники конкретных текстов). В изучении духовных стихов неоспорима роль Ф. И. Буслаева, который, исследуя христианские мотивы народной поэзии, впервые отметил присутствие в них разновременных и разнохарактерных явлений. Говоря о важности для истории русского просвещения связи духовных стихов с письменной литературой, Буслаев подчеркивал сильное влияние «книжного элемента» на стиль духовных стихов, которые со временем освобождаются от этого элемента и принимают «разговорную окраску» [Буслаев, 1861, с. 399]. За-

трагивая вопрос о среде создания духовных стихов, Ф. И. Буслаев ввел понятие «избранной массы», которой, по его мнению, духовные стихи обязаны своим происхождением.

Продолжая решать общие вопросы, представители культурно-исторического направления, занимавшиеся изучением произведений данного жанра с 70-х годов XIX до начала XX века, особое внимание уделяли отдельным сюжетам с точки зрения выявления их конкретных текстовых источников. В этот период в источниковедческом аспекте были исследованы «Голубиная книга» [Мочульский, 1887], «Эпистолия о неделе» [Веселовский, 1876], «Сон Богородицы» [Веселовский, 1877], «Федор Тирон», «Борис и Глеб», «Димитрий Солунский», «Иосиф Прекрасный» [Кирпичников, 1877] и некоторые другие.

Продолжается разработка общих, но ранее не затронутых в научной литературе вопросов, например, выявляются изменения, претерпеваемые стихом в устах певцов после его создания [Кирпичников, 1890; Будде, 1891; Соколов, 1910]. Также в этот период выходит работа А. Маркова [Марков, 1910], в которой автор предложил некий общий принцип исторической периодизации духовных стихов. Работа стала значительным шагом вперед в определении хронологии произведений жанра.

Начало XX века характеризуется появлением фундаментальных трудов, в которых затронуты вопросы истории, времени создания, источников, состава начального текста, личности творцов и носителей и проч. духовного стиха «Алексей человек Божий» [Адрианова, 1917], реального исторического прототипа героя и самостоятельности стиха о Егории Храбром [Соколов, 1995].

Причины собственно идеологического характера в советский период повлияли на угасание к духовным стихам не только исследовательского, но и читательского интереса. Среди редких научных работ, которые вышли после революции, наибольшую ценность представляет монография русского эмигранта Г. П. Федотова [Федоров, 1935], где подчеркнута особая ценность духовных стихов как самого высокого художественного выражения в слове народной веры. Исследование произведений жанра возобновилось только с конца 60-х — начала 70-х годов XX века, когда были поставлены вопросы о генетических истоках, функционировании и текстологии духовных стихов, ставших предметом изучения с точки зрения лингвоэтики только спустя несколько десятилетий.

Одним из основоположников изучения языка жанра духовного стиха стал В. В. Колесов: говоря о пределах языкового варьирования духовного стиха и плача, он установил степени их взаимовлияния и аргументировал положение, согласно которому «развитие духовного стиха шло по линии

распространения “плача” как основной формы выражения личного чувства» [Колесов, 1988, с. 20].

Изучению духовной культуры старообрядцев, молокан и духоворцев посвящены многочисленные работы С. Е. Никитиной. Наиболее значимым лингвофольклористическим исследованием духовных стихов является монография «Устная культура и языковое сознание» [Никитина, 1993], в которой рассматривается словарь духовных стихов в контексте личности и народной филологии, впервые поднимается важнейший вопрос о языковом сознании конфессиональных групп. Решая один из ключевых вопросов — вопрос атрибуции жанра, С. Е. Никитина опирается на две конституирующие особенности духовного стиха: его функционирование в народной среде и генетическую связь с письменной культурой, которые она прослеживает в языковой ткани духовных стихов как «двуязычность и двустильность, проявляющиеся на всех языковых уровнях» [Там же, с. 55].

Научный интерес к духовным стихам в настоящее время не ослабевает. Так, начало XXI века отмечено появлением ряда диссертационных исследований и монографий, среди которых следует выделить следующие концептуально важные работы: диссертацию А. М. Петрова «Синтаксический строй духовного стиха о Голубиной книге» [Петров, 2005]; исследование Е. А. Мухиной «Динамика текста эпического духовного стиха: На материале сюжетов “Алексей человек Божий”, “Два Лазаря”, “Егорий Храбрый”» [Мухина, 2006]; работу М. А. Соломонова «Христианский теоним в структуре фольклорного текста: на материале прикамских духовных стихов» [Соломонов, 2011]; диссертационное исследование О. А. Арапова «Вербализация концептосферы “Метафизический мир” в фольклорных духовных стихах XIX столетия» [Арапов, 2012].

3. Духовные стихи в Карелии

Духовные стихи по своей значимости занимают второе место (после былин) в эпическом наследии русского народа. Однако, в отличие от былин, стихи, получив широкое распространение на Севере, отличаются более длительной традицией исполнения, что обусловлено переходом духовных песнопений в женскую среду, которая стала «главной хранительницей живых традиций старины» [ДСРС, 2015, с. 8]. Духовные стихи, отражая народное религиозное мировоззрение, которое не всегда совпадало с официальным церковным вероучением, стали хранилищем истинных преданий о вере.

Собирательство духовных стихов в Карелии началось еще в XIX веке: Е. В. Барсов, Г. О. Дютш, Ф. М. Истомина, А. В. Марков, Н. Е. Ончуков, П. Н. Рыбников и другие исследователи не только записали большое ко-

личество текстов, позднее включенных в разные сборники, но и открыли целую плеяду таких исполнителей, как А. М. Крюкова, М. С. Крюкова, Ф. Т. Пономарев, И. А. Федосова, В. П. Щеголенок.

В советское время было записано большое количество духовных стихов, бытовавших на территории Карелии и сопредельных областей (Архангельская обл., Вологодская обл., Ленинградская обл., Мурманская обл., Республика Коми). Долгое время тексты хранились в Архиве Карельского научного центра РАН и, за редким исключением (менее 10 % стихов от общего объема карельских текстов были опубликованы в периодической печати Олонецкой губернии и в разных изданиях, ставших библиографической редкостью), не были доступны широкому кругу читателей. В 2015 году вышел в свет сборник «Духовные стихи Русского Севера» [ДСРС, 2015], в котором впервые опубликованы духовные стихи Карелии, включающие более 300 произведений, разнообразных по своему составу: от «старших» эпических духовных стихов, бытовавших параллельно с былинами, и «младших» стихов, сложенных позднее, до псалмов и кантов, исполняемых членами старообрядческих общин и насельниками скитов. Духовные стихи, записанные на территории Карелии и включенные в данный сборник, являются объектом нашего исследования.

4. Вопрос о соотношении кратких и усеченных форм прилагательных (адъективов) в русской лингвистической традиции

В русской лингвистической традиции проблема грамматического, семантического и стилистического соотношения полных (местоименных), кратких (неместоименных) и усеченных прилагательных — адъективов в узком морфологическом понимании — до сих пор не получила однозначного решения; частному с точки зрения организации грамматической системы русского языка вопросу посвящена значительная специальная литература, описать которую даже кратко в рамках статьи не представляется возможным, см. обзоры: [Кулева, 2008, 2017; Котов, 2011, 2014, 2017]. В течение продолжительного времени усеченные прилагательные в научной и учебной литературе рассматривались как яркая черта поэтического языка, свойственная творчеству А. Д. Кантемира, Я. Б. Княжнина, М. В. Ломоносова, С. Полоцкого, В. К. Тредиаковского, вызванная к жизни авторскою волею и собственно версификационными требованиями в эпоху становления и развития силлабо-тонической поэзии в XVIII веке и позднее постепенно уходящая из уза, см., например [Борковский, 2006; Винокур, 2006 и др.]. Еще недавно употребление усеченных форм в современном языке рассматривали как «маргинально сохраняющуюся, особенно в поэтическом языке, возможность» [Плунгян, 211, с. 233], если не учитывать их ис-

пользование в составе корпуса устойчивых сочетаний — фразеологизмов (*на босу ногу*) и традиционных фольклорных эпитетов (*чарка зелена вина*).

В новейших исследованиях А. С. Кулевой [Кулева 2008, 2012, 2017] представлен иной взгляд на усеченные прилагательные, и мы можем говорить об открытии новой страницы в изучении адъектива в русском языке. В лингвистическом осмыслении усеченные прилагательные прошли «путь от отождествления их с именными прилагательными сначала к оценке усечений как естественных языковых средств, употребляемых преимущественно в поэтической речи, а затем к полному разграничению усеченных и кратких прилагательных и осознанию усеченных прилагательных искусственно созданными формами полных прилагательных, с которыми их объединяет атрибутивное употребление» [Кулева, 2017, с. 39].

Следует заметить, что статус усеченных прилагательных является неустойчивым и несколько размытым даже в авторском понимании. Так, А. С. Кулева пишет о том, что «усеченные прилагательные представляют собой особое явление русской морфологии, отличное от полных и кратких форм прилагательных» [Там же, 2017, с. 5, с. 147]. Если принять эту точку зрения и смотреть на усеченные прилагательные как на особый морфологический феномен, который противопоставлен как полным, так и кратким формам, то мы оказываемся в рамках грамматической системы прилагательного, отличающейся от общепринятой и более сложной по сравнению с существующей. Единство имени прилагательного как части речи, с учетом особого статуса краткого прилагательного (об этом будет сказано ниже), оказывается под вопросом.

В то же время усеченные прилагательные определяются А. С. Кулевой следующим образом: «это особого рода краткие прилагательные (не только качественные, но и относительные), а также примающиеся к ним формы причастий (в том числе действительных), местоимений-прилагательных, порядковых числительных, которые используются в языке поэзии в атрибутивной функции как в И.-В., так и в некоторых косвенных падежах. По своему строению к этой категории слов могут быть отнесены и особые формы субстантивов (такие как *всяк*, *вселенна*, *подданны* и др.)» [Там же, с. 43].

В данной статье мы ориентируемся на приведенное определение (см. цитату выше), но считаем необходимым дать к нему соответствующий комментарий. С одной стороны, такое понимание является широким по охвату лингвистических объектов, поскольку распространяется на все адъективные в морфологическом (словоизменительном) отношении формы без учета семантических различий, имеющих между собственно прилагательными (прилагательными как частью речи в традиционном понимании) и местоимениями-прилагательными или порядковыми числительными.

Если определять усеченные прилагательные столь широко, возникает логичный вопрос о том, как в рамках традиционной частеречной категории имени прилагательного выстраивается оппозиция между полными, краткими и усеченными формами качественных имен прилагательных при их семантическом соотношении, например, в следующих парах (примеры взяты из проанализированного нами материала): *богат ~ богатый, велик ~ великий, зол ~ злой, кротка ~ кроткий, люта ~ лютой, пьян ~ пьяный, сыт ~ сытый* и проч.

Между полными и краткими предикативными прилагательными, активно используемыми в текстах различной стилистической и жанровой принадлежности, существуют многочисленные и тонкие семантические различия, которые до сих пор не описаны в полном объеме, см. подробнее [Плунгян, 2011, с. 233; Котов, 2017, с. 13—16]. Однако эти различия (например, возможное противоположение по *временности ~ постоянству* выражаемого признака) имеются только в том случае, если мы рассматриваем предикативные формы адъективов, и, следовательно, атрибутивные усеченные формы выходят за рамки этого противоположения.

С другой стороны, приведенное определение А. С. Кулевой представляется нам удачным по двум причинам. Во-первых, краткие и усеченные формы мы можем рассматривать в рамках одной частеречной категории имени прилагательного, что верно с учетом его становления и развития в русском языке, а также истории появления самого термина *усеченные прилагательные*; в этом случае мы можем и должны учитывать семантическое соотношение между усеченными и краткими, а также усеченными и полными формами.

Во-вторых, при разграничении собственно кратких и усеченных форм используется важный грамматический критерий — синтаксическая функция адъектива, который обуславливает следующий не менее важный признак: наличие — отсутствие падежного словоизменения. Напомним, что именно предикативность кратких прилагательных привела к их постепенному грамматическому обособлению, не случайно в отечественном языкознании уже в XIX столетии (в зарубежном — во второй половине XX века) сформировался получивший достаточно широкое распространение взгляд на краткое прилагательное как на особую грамматическую категорию, близкую глаголу, которую чаще всего именуют как предикатив, см. подробнее [Котов, 2017, с. 16—18; Кулева, 2017, с. 20—24].

В рамках данной статьи мы разграничивали краткие и усеченные формы прилагательного как противопоставленные друг другу по выполняемой синтаксической функции (краткие — предикативная, усеченные — адъективная) в рамках традиционной частеречной категории имени прила-

гательного без включения местоимений, числительных и причастий. Это позволит нам в дальнейшем рассмотреть вопрос о семантическом соотношении полных, кратких и усеченных форм.

5. Краткие и усеченные форм адъектива в духовных стихах

Каждое произведение, в том числе и фольклорное, выполняет определенные эстетические задачи, которые находят свое отражение не только в употреблении определенных групп лексики, но и в использовании различных типов грамматических форм. Жанровые традиции обуславливают «приспособление» языкового явления под законы конкретного произведения. Для определения природы своеобразия языка конкретного жанра, установления роли языкового явления в создании поэтики жанра необходимо отграничивать свойственное конкретному исполнителю от инвариантного употребления, характерного для жанра.

Мы проанализировали весь корпус записанных на территории Карелии текстов, включенных в состав сборника «Духовные стихи Русского Севера». Приводимые ниже статистические данные позволяют говорить о значительном (почти в *пять раз*) преобладании в рассмотренных нами текстах усеченных форм прилагательных над краткими (табл. 1); также, если говорить о распределении усеченных форм в падежной парадигме, обращает на себя внимание значительное преобладание форм винительного падежа над формами именительного, родительного и дательного, вместе взятыми (56 % — винительный, 44 % — все прочие).

Таблица 1

Статистика использования кратких и усеченных форм прилагательных в духовных стихах

Краткие прилагательные	Усеченные прилагательные	
около 211	Им. п.	около 328
	Род. п.	около 47
	Дат. п.	около 75
	Вин. п.	около 577
	Тв. п.	0
	П. п.	0
	Около 1027	

С грамматической точки зрения наибольший интерес представляет вопрос о разграничении кратких и усеченных форм в именительном падеже, поскольку все косвенные падежные формы кратких адъективов по определению квалифицируются как усеченные, поэтому мы фокусируем свое

внимание на нем. Ведущим критерием, который мы использовали при разграничении кратких и усеченных форм в именительном падеже, является синтаксическая позиция и синтаксическая функция: у усеченных — атрибутивная, у собственно кратких — предикативная.

В некоторых случаях на атрибутивность / предикативность прилагательного могут влиять несколько грамматических (морфологических и синтаксических) факторов: 1) способ выражения подлежащего (личное / лично-указательное местоимение ~ существительное / субстантив; 2) позиция формы прилагательного относительно существительного / субстантива (контактная ~ дистантная, препозиция ~ постпозиция); 3) наличие ~ отсутствие связки (связочного глагола); 4) наличие ~ отсутствие управляемого зависимого распространителя (местоимения / существительного / субстантива) в косвенной падежной форме и проч., см. подробнее [Котов, 2017, с. 35—64].

Следующие примеры демонстрируют, как грамматический статус адъектива зависит от его позиции и наличия связки, когда в одном случае мы квалифицируем адъектив как усеченную форму, а в другом — как краткую:

Матерны слова **прокляты**,

От **матерна** слова погибает,

Синее море спотопляет

[ДСРС, 2015, с. 98].

Да ты, **люта́** змея, да будь **кротка, смирна**,

Да как скотинушка у хозяина

[Там же, с. 121].

В воскресной день Богу не молились,

По **матерну** слову побранились,

Матерно слово есть большое,

Да матушка земля вся потряслася

[Там же, с. 349].

Неужели то чудо случится,

Что возрадуется мое сердце **ретиво**,

Что воскреснет мое Чадо **мило**,

Милое мое Чадо, единое

[Там же].

Поля злачны и долины

Здесь блистают красотой,

Все **приятны** мне и **милы**,

Что мечтают тишиной

[Там же, с. 167].

Если говорить о разграничении кратких и усеченных форм в именительном падеже, важным критерием является включение / невключение адъек-

тива в структуру составного именного сказуемого; в этом случае на первый план выходит непростой вопрос о семантической самостоятельности глагола, степени его грамматикализации и перехода в разряд связочных.

В следующих примерах мы определяем формы адъектива как краткие, на это указывают и связочный глагол, и позиция адъектива:

Там *лежит* твоя княгинушка **трудна-больна**,

Чай **трудна и больна**, чадышко спородила

[Там же, с. 89].

Лишь один-то Алексей *сидит печален*,

Он не ест, не пьет, сахарные яства,

Да не кушает пива

[Там же, с. 248].

А в этом случае квалифицируем формы адъектива как усеченные:

Смола кипит, да будто гром гремит,

А под котлом *зрела* трава **шёлкова**,

А *рассвели* цветочки **лазоревы**

А Егорьюшку-то ничто не льнит,

Да ничто не льнит, ничто не берет

[Там же, с. 456].

Краткие формы адъектива входят в структуру составного именного сказуемого в изъявительном наклонении (здесь преобладает глагол-связка *быть* в прошедшем и будущем времени, нулевая связка единична; при этом связка может занимать любое положение по отношению к именной части предиката), употребляются в постпозиции по отношению к подлежащему (89 %). При этом подлежащее может быть выражено как личным местоимением, так и нарицательным существительным:

... Да у его мать была-то **хороша**,

Да все пили-то да напивались,

Да тут становились гости **пьяны**,

Да по домам да разъезжались,

А Алексеюшко остался

[Там же, с. 111].

... Я оставлю вам сады да с виноградьем,

От горы-то вы будете **сыты**,

От реки-то вы будете **пьяны**,

А от садов-то вы будете одеты,

Одеты, теплом обогреты»

[Там же, с. 243].

Контексты с препозитивным употреблением сказуемого редки (не более 10 %):

Господа Бога распинали,
Жезлами бока прободали.

Велико имя Господне

[Там же, с. 99].

Злы были у князя рабы его,
Все оны самы еству поедали,
Все оны питья испивали ...

[Там же, с. 322].

Отмечены случаи употребления именных сказуемых с краткой формой адъектива в ряду однородных членов; мы полагаем, что такие конструкции не являются типичными для духовного стиха, который стремится к использованию неосложненных предложений:

Ты теперя не **богата**
И в народе не **славна**,
Навек птичка ты **крылата**,

Беспечальна и **вольна**

[Там же, с. 108].

В некоторых контекстах формы адъектива образуют ряд однородных сказуемых (1 %), которые стоят в пре- и постпозиции по отношению к подлежащему и соединены союзной или бессоюзной связью:

Про себя все мечтает:
Он не будет жить со княгиной.
Грозна матенка была да **хорошенька** ...

[Там же, с. 105].

Ох! Сколь есь **отважна** смерть,
А не **милосёрдна!**

Стра́ха она́ не бойтце,
Как бытто атамáн, твёрда́

[Там же, с. 131].

Сиры вси мы и **убоги**,
Но Твои щедроты многи

[Там же, с. 174].

Слава Богу, слава Господу,
Буду **сыт** ведь я, не **голоден**,
Мне вит прислано три головы!

[Там же, с. 395]

Краткое прилагательное может быть включено в предикатив императивных конструкций, которые, обозначая действие, отнесенное к плану будущего, легко приобретает свойства желательного наклонения:

Ты отружь, девица, свой шелков пояс,

Ты вяжи змею на шелков пояс,
Да ты будь, змея, **кротка, смирна**,
Кротка, смирна, как скотинина
[Там же, с. 381].

Усеченные формы адъектива в форме именительного падежа активны прежде всего в синтагмах обращения (на их долю приходится примерно 60 %), в подавляющем большинстве случаев они находятся в препозиции к определяемому слову.

Уж да горы, вы горы **высоки**,
Полно вам неверному веровать,
Разойдитесь-ко по мелким горам, по пригорочкам.
[Там же, с. 64].

Прощай, моя **родна** маменька,
И прощай, мой родимый дорогой папенька,
И прощай, моя **дорога** княгинюшка,
Молода княгинюшка Катерина.
[Там же, с. 94].

Ой ты гой еси, **красна** девица,
Поищи у меня да на головушке,
Я избавлю от смерти напрасной
[Там же, с. 237].

В пределах одного стиха (строфы) возможны немногочисленные случаи одновременного использования в составе синтагмы обращения усеченного и полного прилагательного.

Ты прости-прощай, да заря-белый свет!
А заря **утренняя, поздно-вечерняя**,
Прости-прощай, да **красно** солнышко,
Ты прости-прощай, да **млад светёл** месяц
[Там же, с. 254].

Прости, тело, прости, **бело**, прости, **белое мое**,
А ты-то, тело **бело**, да во сыру землю пойдешь...
[Там же, с. 273].

«Станьте от гробов, **праведны** души,
На восток вы лицамы,
А **грешные** души, встаньте на запад лицамы.
[Там же, с. 495].

Если усеченные формы входят в состав атрибутивной синтагмы подлежащего, то они могут находиться как в препозиции, так и в постпозиции. В подавляющем большинстве случаев усеченные формы в атрибутивной синтагме подлежащего препозитивны (не менее 90 %):

Не узнали его родители,
Не узнала его *молода* жена

[Там же, с. 94].

Да расплакалась меньшая братья,
Да ростужилась *маленька бедна* сиротушка
[ДСРС, 2015, с. 270].

Подите — на дворе посмотрите,
На кого же крепко *злы* псы притугают?
[Там же, с. 282].

Мало время сминовалось,
Как *сине* море сколыхалось,
Волна на море порасходилася,
Люта змея идет очень сердитая
[Там же, с. 414.]

Нами отмечены немногочисленные случаи, когда усеченные формы в составе атрибутивной синтагмы подлежащего постпозитивны (на их долю приходится не более 10 %):

... Над этой рекой над Иорданом
Выросло святое дерево,
Святое древо *кипарично*,
На этом древе чудный крест объявился ...
[Там же, с. 280].

Не нужны мне-ка кушанья *сахарны*,
Не нужны мне и питьица *медвянны*,
Ты прими, прими меня, пустыня,
Ты прими, прими меня, *прекрасна* ...
[Там же, с. 352].

«Есть у меня братья получше тебя:
Князи, бояре — друзья мои,
Гости *торговы* — братья мои
[Там же, с. 406].

Возможно одновременное использование усеченной формы в пре- и постпозиции в рамках одной синтагмы; в нашем материале мы обнаружили одну такую синтагму с варьируемым компонентом *милослива* / *милостлива жона милосердна*, которая несколько раз используется в тексте с одноименным названием «Милостивая жена милосердна».

Милостлива жона *милосердна*
Стояла край пути, край дороги,
Держала младенчика на ручках
[Там же, с. 338].

Милостлива жена *милосердна*,

Стояла край пути, край дороги,

Держала своё чадо

На ручах супостата

[ДСРС, 2015, с. 419].

В связи со сказанным обращаем внимание на постпозитивную усеченную форму *чернобархатна*; будучи соотносительной с полным прилагательным *чернобархатный*, которое представляет собой яркий элемент книжно-письменной сферы, она, в отличие от полного адъектива, не фиксируется Национальным корпусом русского языка ни в одной из падежно-числовых форм, но в нашем материале встречается четыре раза (один раз — в винительном падеже) в тексте «Егорий и змей»:

И выходила на крыльцо дворовое,

Там стоит карета *чернобархатна*,

Подпряжены жеребцы неезжены

[Там же, с. 347].

Вышла она на крылечко на пиленое,

Бежит каретушка *чернобархатна*

[Там же, с. 367].

Нами отмечены случаи, когда в атрибутивной синтагме подлежащего с одинаковым лексическим составом может использоваться и полная, и усеченная форма адъектива — последняя в препозиции и постпозиции (*лютая змея* ~ *лота змея* ~ *змея лота*).

Сине морюшко да всколыбалося,

Змея *лютая* да показалася ...

[Там же, с. 234]

Сине море сколыбалося,

Лота змея показалася

[Там же, с. 380].

Вдруг море всколыхалосе,

Иде змея *лота*

[Там же, с. 454].

Как следует из приведенных выше данных, случаи использования усеченных форм в родительном и дательном падежах немногочисленны в сравнении с формами именительного и дательного падежей, поэтому мы считаем необходимым привести несколько таких примеров.

Примеры с формами родительного падежа, которые, как правило, препозитивны:

Для чего не слушайте *церковна* пенья,

А для чего не слушали звону колокольного,

За то Бог ссылает во всякую тьму и в огненны реки.

[Там же, 2015, с. 71]

Выпала слеза из **права** глаза

На его на личико белое.

[Там же, с. 305]

Как покажется люта змея из **синя** моря,

Так ты буди меня, девица, от крепкова сна.

[Там же, с. 380]

Примеры с усеченными формами дательного падежа включают, за редким исключением (*матерну слову*, преподобному *святу Климанту*), ограниченный лексический круг прилагательных, которые активны в составе традиционных фольклорных эпитетов: *чисту полю*, *синю морю*, *лютю зверю*, *добру молодцу*, *круту бережку*, *широку дубу*.

Несколько лет ходил он по **белу** свету.

[Там же, с. 396]

Катится карета чёрная во желты пески,

На желты пески, ко **синю** морю,

Прикатилася карета на желты пески, ко **синю** морю.

[Там же, с. 399]

Ведите во поле широкое

И пригвоздите ко дубу ко **широку**.

[Там же, с. 412]

«Ты родитель, говорит, мой батюшко,

Не в ту веру меня взамуж отдать,

А ты меня ко **синю** морю, а ко **лютю** зверю,

А ко **лютю** зверю да на сиденнице.

[Там же, с. 508]

6. Заключение

1. Язык духовных стихов, выполняющих функцию посредника между письменной литературой и народным творчеством, характеризуется двойственностью — совмещением признаков книжного и народно-песенного языка. Проявлением стилистической двойственности языка духовного стиха можно считать употребление кратких и усеченных форм имен прилагательных.

2. Употребление кратких и усеченных форм прилагательных не только подчеркивает существующую стилистическую двойственность духовных стихов, но и способствует реализации разносторонних изобразительно-выразительных возможностей языка, выполняя эстетическую и информативную функции. Вторая крайне важна для малых по объему текстов фольклорного жанра.

3. В рассмотренных нами текстах духовных стихов наблюдается значительное преобладание усеченных атрибутивных форм адъектива над собственно краткими формами; это обусловлено как наличием связи с книжно-письменной сферой языка, так и выполняемой усеченными формами функциональной нагрузкой.

4. Разграничение между краткими и усеченными формами последовательно проводится на основе синтаксического критерия: краткие формы выполняют предикативную функцию, усеченные — адъективную.

5. Синтаксический критерий является бесспорным только при рассмотрении форм косвенных падежей. Если рассматривается адъектив в форме именительного падежа, необходимо учитывать другие грамматические и семантико-грамматические факторы: морфологический способ выражения подлежащего, позицию по отношению к определяемому субстантиву (субъекту), наличие / отсутствие связки, семантическую самостоятельность глагола-предиката, степень его грамматикализации и перехода в разряд связочных.

Источники и принятые сокращения

1. ДСРС — *Духовные стихи Русского Севера* / сост. В. П. Кузнецова / сост. нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2015. — 800 с. — ISBN 978-5-9274-0626-5.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адрианова В. П.* Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности / В. П. Адрианова. — Петроград : Типография Я. Башмаков и К, 1917. — 518 с.

2. *Азадовский М. К.* История русской фольклористики / М. К. Азадовский. — Москва : Учпедгиз, 1958. — Т. 1. — 479 с.

3. *Арапов О. А.* Вербализация концептосферы «Метафизический мир» в фольклорных духовных стихах XIX столетия : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. А. Арапов. — Челябинск, 2012. — 220 с.

4. *Борковский В. И.* Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. — Москва : КомКнига, 2006. — 512 с. — ISBN 5-484-00280-X.

5. *Будде Е. Ф.* Новый вариант народного стиха «Плач Адама» / Е. Ф. Будде // *Русский филологический вестник*. — 1891. — № 2. — С. 288—307.

6. *Буслаев Ф. И.* Русские духовные стихи / Ф. И. Буслаев // *Русская речь*. — 1861. — № 26. — С. 397—403.

7. *Веселовский А. Н.* Опыты по истории развития христианской легенды / А. Н. Веселовский // *Журнал Министерства народного просвещения*. — 1876. — Март (№ 3). — С. 50—116.

8. *Веселовский А. Н.* Опыты по истории развития христианской легенды / А. Н. Веселовский // *Журнал Министерства народного просвещения*. — 1877. — Февраль (№ 2). — С. 186—252.

9. *Винокур Г. О.* Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина / Г. О. Винокур // О языке художественной литературы. — Москва : Комкнига, 2006. — С. 228—297.
10. *Кирпичников А. И.* Источники некоторых духовных стихов / А. И. Кирпичников // Журнал Министерства народного просвещения. — 1877. — Октябрь (№ 10). — С. 133—150.
11. *Кирпичников А. И.* Особый вид творчества в древнерусской литературе / А. И. Кирпичников // Журнал Министерства народного образования. — 1890. — Апрель (№ 4). — С. 306—313.
12. *Колесов В. В.* Язык и стиль фольклорного плача и духовного стиха / В. В. Колесов // Язык жанров русского фольклора : межвузовский сборник / отв. ред. З. К. Тарланов. — Петрозаводск : ПГУ, 1988. — С. 15—24.
13. *Котов А. А.* Изучение русского предикативного прилагательного : неподведённые итоги / А. А. Котов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия : Общественные и гуманитарные науки. — 2011. — № 1 (114). — Февраль. — С. 49—52.
14. *Котов А. А.* Прилагательные-предикаты в русском литературном языке 17—18 веков : грамматический аспект / А. А. Котов. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2017. — 89 с. — ISBN 978-5-8021-1895-5.
15. *Котов А. А.* Семантическое противопоставление полных и кратких предикативных прилагательных в русском языке / А. А. Котов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные и науки». — 2014. — № 5 (61). — С. 235—242.
16. *Кулева А. С.* Усеченные прилагательные в языке русской поэзии : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. С. Кулева. — Москва, 2008. — 30 с.
17. *Кулева А. С.* История усеченных прилагательных в языке русской поэзии / А. С. Кулева. — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-история, 2017. — 544 с. — ISBN 978-5-4469-1143-1.
18. *Кулева А. С.* Проблема усеченных прилагательных / А. С. Кулева // Человек о языке — язык о человеке : сборник статей памяти академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. — Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2012. — С. 228—233. — ISBN 978-5-91172-072-8.
19. *Марков А. В.* Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении / А. В. Марков // Богословский вестник. — 1910. — № 6. — С. 357—367 ; № 7—8. — С. 415—425 ; № 10. — С. 314—323.
20. *Мочульский В. Н.* Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге : Исследование В. Мочульского / В. Н. Мочульский. — Варшава : Типография М. Земкевича, 1887. — 256 с.
21. *Мухина Е. А.* Динамика текста эпического духовного стиха : На материале сюжетов «Алексей человек Божий», «Два Лазаря», «Егорий Храбрый» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. А. Мухина. — Петрозаводск, 2006. — 254 с.
22. *Никитина С. Е.* Устная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. — Москва : Наука, 1993. — 187 с. — ISBN 5-02-011106-6.
23. *Петров А. М.* Синтаксический строй духовного стиха о Голубиной книге : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. М. Петров. — Петрозаводск, 2005. — 252 с.

24. Плу́нган В. А. Введение в грамматическую семантику : грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плу́нган. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. — 672 с. — ISBN 978-5-7281-1122-1.

25. Соколов Б. М. Большой стих о Егории Храбром : Исследования и материалы / Б. М. Соколов. — Москва : Специализированное изд.-торговое предприятие «Наследие», 1995. — 173 с. — ISBN 5-201-13210-3.

26. Соколов Ю. М. Весна и народный аскетический идеал (К истории духовного стиха «Разговор Иоасафа с пустыней») / Ю. М. Соколов // Русский филологический вестник. — 1910. — № 3—4. — С. 79—91.

27. Соломонов М. А. Христианский теоним в структуре фольклорного текста : на материале прикамских духовных стихов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. А. Соломонов. — Пермь, 2011. — 232 с.

28. Федотов Г. П. Стихи духовные : (русская народная вера по духовным стихам) / Г. П. Федотов. — Paris : YMCA-press, 1935. — 151 с.

MATERIAL RESOURCES

Spiritual poems of the Russian North. (2015). Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 800 p. ISBN 978-5-9274-0626-5. (In Russ.).

REFERENCES

Adrianova, V. P. (1917). *The Life of Alexei the Man of God in ancient Russian literature and folk literature.* Petrograd: Printing house of Ya. Bashmakov and K. 518 p. (In Russ.).

Arapov, O. A. (2012). *Verbalization of the conceptual sphere “Metaphysical world” in folklore spiritual poems of the XIX century.* PhD Diss. Chelyabinsk. 220 p. (In Russ.).

Azadovsky, M. K. (1958). *History of Russian folklore studies, 1.* Moscow: Uchpedgiz. 479 p. (In Russ.).

Borkovsky, V. I., Kuznetsov, P. S. (2006). *Historical grammar of the Russian language.* Moscow: KomKniga. 512 p. ISBN 5-484-00280-X. (In Russ.).

Budde, E. F. (1891). A new version of the folk verse “Adam’s Lament”. *Russian Philological Bulletin. Russian Spiritual Poems, 2:* 288—307. (In Russ.).

Buslaev, F. I. (1861). Russian spiritual poems. *Russian Speech, 26:* 397—403. (In Russ.).

Fedotov, G. P. (1935). *Spiritual poems: (Russian folk faith on spiritual poems).* Paris: YMCA-press. 151 p. (In Russ.).

Kirpichnikov, A. I. (1877). Sources of some spiritual poems. *Journal of the Ministry of National Education, October (№ 10):* 133—150. (In Russ.).

Kirpichnikov, A. I. (1890). A special kind of creativity in ancient Russian literature. *Journal of the Ministry of Public Education, April (№ 4):* 306—313. (In Russ.).

Kolesov, V. V. (1988). Language and style of folklore lament and spiritual verse. In: *Language of genres of Russian folklore: Intercollegiate collection.* Petrozavodsk: PSU. 15—24. (In Russ.).

Kotov, A. A. (2011). The study of the Russian predicative adjective: unsubstantiated results. *Scientific notes of Petrozavodsk State University. Series: Social Sciences and Humanities, 1 (114) February:* 49—52. (In Russ.).

Kotov, A. A. (2014). Semantic opposition of full and short predicative adjectives in the Russian language. *Scientific notes of the Orel State University. The series “Humanities and Social Sciences”, 5 (61):* 235—242. (In Russ.).

- Kotov, A. A. (2017). *Adjectives-predicates in the Russian literary language of the 17th—18th centuries: grammatical aspect*. Petrozavodsk: PetrSU Publishing House. 89 p. ISBN 978-5-8021-1895-5. (In Russ.).
- Kuleva, A. S. (2008). *Truncated adjectives in the language of Russian poetry*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 30 p. (In Russ.).
- Kuleva, A. S. (2012). The problem of truncated adjectives. In: *Man about language — language about man: A collection of articles in memory of Academician N. Y. Shvedova*. Moscow: Publishing Center "Azbukovnik". 228—233. ISBN 978-5-91172-072-8. (In Russ.).
- Kuleva, A. S. (2017). *The history of truncated adjectives in the language of Russian poetry*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-history. 544 p. ISBN 978-5-4469-1143-1. (In Russ.).
- Markov, A. V. (1910). Definition of the chronology of Russian spiritual verses in connection with the question of their origin. *Theological Bulletin*, 6: 357—367; 7—8: 415—425; 10: 314—323. (In Russ.).
- Mochulsky, V. N. (1887). *Historical and literary analysis of the verse about the Pigeon Book: A Study by V. Mochulsky*. Warsaw: Printing house of M. Zemkiewicz. 256 p. (In Russ.).
- Mukhina, E. A. (2006). *Dynamics of the text of an epic spiritual verse: Based on the material of the plots "Alexey is a man of God", "Two Lazarus", "Yegoriy the Brave"*. PhD Diss. Petrozavodsk. 254 p. (In Russ.).
- Nikitina, S. E. (1993). *Oral culture and linguistic consciousness*. Moscow: Nauka. 187 p. ISBN 5-02-011106-6. (In Russ.).
- Petrov, A. M. (2005). *Syntactic structure of the spiritual verse about the Pigeon Book*. PhD Diss. Petrozavodsk. 252 p. (In Russ.).
- Plungyan, V. A. (2011). *Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 672 p. ISBN 978-5-7281-1122-1. (In Russ.).
- Sokolov, B. M. (1995). *The Big verse about Yegory the Brave: Research. and materials*. Moscow: Specialized Publishing house-trading enterprise "Heritage". 173 p. ISBN 5-201-13210-3. (In Russ.).
- Sokolov, Yu. M. (1910). Spring and the national ascetic ideal (To the history of the spiritual verse "The Conversation of Joasaph with the Desert"). *Russian Philological Bulletin*, 3—4: 79—91. (In Russ.).
- Solomonov, M. A. (2011). *Christian theonym in the structure of folklore text: based on the material of Kama spiritual verses*. PhD Diss. Perm. 232 p. (In Russ.).
- Veselovsky, A. N. (1876). Experiments on the history of the development of the Christian legend. *Journal of the Ministry of National Education, March (3)*: 50—116. (In Russ.).
- Veselovsky, A. N. (1877). Experiments on the history of the development of the Christian legend. *Journal of the Ministry of National Education, February (2)*: 186—252. (In Russ.).
- Vinokur, G. O. (2006). Legacy of the XVIII century in the poetic language of Pushkin. In: *About the language of fiction*. Moscow: Komkniga. 228—297. (In Russ.).